

**«ГОСТЬ КАМЕРЫ СМЕРТНИКОВ ИЛИ НАЧАЛЬНИК
ТИШИНЫ» ВСЕВОЛОДА ФИЛИПЬЕВА КАК ИНТЕРТЕКСТ**
(Ф.М. Достоевский)

Как правило, интертекст, т.е. конструкция «текст в тексте» предполагает установку автора на диалогичность, поскольку этими текстами вводится не одна точка зрения автора, но и взгляд «из текста» другого произведения. Естественно, это не исключает возможности существования субъективного, индивидуального сознания самого автора. Диалог не всегда предполагает *со-*действие текстов, но может быть и *противо-*действие их. В интересующей нас повести Всеволода Филипьева¹ «Гость камеры смертников или Начальник тишины» как раз и можно встретить второй тип взаимоотношения текстов.

Следует заметить, что текст и мотивы Ф.М. Достоевского существуют в повести не автономно, а в противопоставлении (или же в противно-действии) тексту М. Булгакова. Произведение Филипьева, по его же определению, является «повестью-притчей», в нем мы можем видеть свойственные этому жанру противопоставления «хорошо/плохо», «правильно/неправильно», «добро/зло» и т.д. Причем под отрицательные категории подпадает художественный мир Булгакова, а положительным, является мир Достоевского, который, представлен в повести образцом правильного отношения к вере, миру, человеку. Именно текст Достоевского текст полемизирует у Филипьева с миром без Бога у Булгакова.

Имя Достоевского упоминается в повести очень часто. Достоевский как персонаж и синергичный сторонник самого Филипьева в первую очередь присутствует в снах (видениях) одного из героев повести Архипыча.

Первая причина, по которой Вс. Филипьев вводит Достоевского в повествование повести, с первого взгляда может показаться прагматичной: для того, чтобы оправдать появление Христа в своей повести. Он показывает, что Достоевский в «Легенде о Великом инквизиторе» представил нам Христа как действующее Лицо в соответствии с догматами и Евангелием. Той же целью задался и сам Филипьев, однако

¹ Всеволод Филипьев родился в 1969 г., в 22 года стал насельником Валаамского монастыря, где и был пострижен в иночество, а позже приехал в США, в Свято-Троицкий Джорданвилльский монастырь Русской Зарубежной церкви. Закончив духовную семинарию в Джорданвилле, десять лет он являлся преподавателем патрологии и гомилетики Свято-Троицкой духовной семинарии. Член Союза писателей России. Первым опубликованным прозаическим произведением была повесть «Гость камеры смертников или Начальник тишины», которую он писал в Джорданвилле в период с 1999 по 2003 г.

Христос у него оказался не молчащий (апология Христа в «Легенде о Великом инквизиторе» показывается через апофатику Великого Инквизитора), но действующий и говорящий (причем диалогов и монологов достаточное количество).

В повести Филиппева использованы некоторые романские мотивы Достоевского.

Мотив блудного сына. Этому мотиву в достоевсковедении уделяется значительное внимание². В качестве блудных сыновей в повести Филиппева выступают и Влас, и Влад, и Жан. Влас из убийцы (аналогия с Раскольниковым) превращается в верующего человека, а позже – в праведника, т.е. возвращается к Отцу, Который и спас его от неминуемой смерти. Влад – успешный неверующий предприниматель, который сожительствует со своей домработницей, принимает крещение после явления к нему убитой Василисы. Жан – один из криминальных лидеров, человек Князева, у которого, однако, «душа ребенка», собирается уходить в монастырь. Аналогичным образом можно рассмотреть и женские персонажи (Василиса уходит из публичного дома и принимает мученическую кончину, за ней же уходит Анжела, которая позже крестится у о. Серафима). Возвращение к Отцу сопровождается и переименованием. Васька (как называла ее «мамка» Катя-Гретхен) становится мученицей Василисой, Владлен (названный так в честь В.Ленина) получает в крещении имя Влад, бывшая проститутка Анжела стала Ангелиной, а Жан из Юлиана Отступника превращается в Св. Юлиана.

Но если у Достоевского «блудные сыновья» обнаруживают духовную готовность к покаянию и «через горнило сомнений» своих приходят (или пытаются прийти) к истине, то поведение героев Филиппева схематично и вполне традиционно: фактически, все его герои проделывают одинаковый путь. Внутренний мир этих героев нам неизвестен, равно как неизвестно и то, почему они выбирают именно этот путь.

Мотив покаявшейся блудницы. Связан этот мотив в первую очередь с Василисой. Но, если внутренний мир героев-идеологов Достоевского сложен, полифоничен и многослоен, а рефлексия их предельна, то у Филиппева – это дельцы – в положительном смысле слова, поскольку их преображение сопровождается деятельным совершенствованием. Они идут не по пути терний и сомнений, а по прямому пути к Отцу. К примеру, Раскольников – еще не кающийся, но

² Напр., в исследовании В.И. Габдуллиной «Блудные дети, двести лет не бывшие дома» в качестве блудного сына рассмотрены и Раскольников, и Дмитрий Карамазов, и другие персонажи Достоевского. Мотив покаяния и возвращения к Отцу, собственно, реализовался и в жизни самого Достоевского.

только потенциальный (у него лежит Евангелие под подушкой, которое, собственно, он еще и не читал). Спасаящая его Соня говорит о Христе, но до конца не оставляет свою работу, хотя очень хорошо знает путь Христов, сама зачитывает Евангелие, понимает, что совершает грех. Но все меняется только тогда, когда умирает Катерина Ивановна, а детей-сирот на себя берет Свидригайлов – отправляет в приют, буквально: когда возникает благоприятная жизненная ситуация (и, если можно так выразиться, психологическая готовность). У Филипьева персонажи не столько психологичны, сколько традиционно житийны, сразу отвергают грех и идут на мученичество или же исповедничество ради Христа. Они не раздумывают, что будет, если они поступят так или иначе, но просто исполняют Божии заповеди: *«Я думаю: "Что будет? Что будет? Наверно, Василиска что-то затеяла", – и точно. Приехал Князь. А Василиска выходит из комнаты и прямо Князю и мамаше говорит: "Все, не буду я больше проституткой! Это Христу боль приносит! А Он нас любит"»*³. Как результат: за Власом идет вереница исповедников (хотя сам Влас приобретает «житийность» только к концу повести).

В парадигме текста покаявшейся блудницы Влас напоминает Раскольникова, их судьба очень похожа: и тот, и другой является убийцей; оба они вначале идут по нищезанскому пути: Раскольников убивает без прагматической цели, «проверяет» себя, и в результате постоянной рефлексии сам идет на «покаяние» (а Влас «срезался» на первом же деле, и тоже совершал преступление не из прагматических соображений). К Раскольникову Христос приходит невидимо – через Соню, Евангелие (которое он еще не читал), а Власу Христос является реально, что соответствует больше житийному повествованию, с элементом явного зримого чуда. Раскольников идет по, так сказать, «психологическому» пути, он не деятель, но философ, пребывает в постоянных размышлениях, разговаривает со всеми, пытаясь что-то понять (в первую очередь – самого себя, насколько он соответствует своей же теории), Влас же идет именно по деятельному пути (не зря существует слово «добродетель» – т.е. деятельный образ жизни в добром): говорит о Христе, пытается спасти Василису.

Порой Влас ошибается, однако это не останавливает его, он ищет возможные пути разрешения проблем. Конечно, явление Христа ему объяснено и притчевостью повести Вс. Филипьева: Он стучится в сердце к каждому человеку, как повествует Писание: «се стою у двери и стучу». В сердце Раскольникова Он стучится через Соню, через то, что сам

³ Филипьев, Всеволод, инок. Гость камеры смертников или Начальник тишины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian-inok.org/books/nachalnik/page.php?page=page.html>. – Загл. с экрана. Далее цитируется по этому изданию.

Раскольников понимает чудовищность своего поступка и своего жизненного пути. Христос является ему через Евангелие (чтение Соней Евангелия от Иоанна о Воскрешении Лазаря), и нельзя сказать, что таковой опыт не есть личный, как у Власа. Однако, в отличие от психологизма Достоевского у Филипьева, в силу особого жанра его произведения, проявляется житийность, что и дает ему право встроить образ Власа в определенную схему: грех – явление Христа – обращение – подвиг. Он не оставляет выбора своим персонажам: либо они должны укорениться в грехе, либо совершенно отвергнуть его. Достоевский же показывает «живую жизнь», в которой не все может строиться по житийному образцу.

У Филипьева нет «анатомии души»⁴, как у Достоевского, нет углубленного изображения духовных и душевных переживаний героев. У него лишь однонаправленное клишированное поведение героев, которое идет по схеме жития и однообразно по своей сути. В его персонажах нет поиска, нет того «горнила сомнений», через которое проходит осанна верующего человека. Они лишь некие образы-схемы, но не характеры, в них нет жизни. Конечно, в первую очередь это связано с необычным жанром произведения Филипьева – повесть-притча. У Достоевского же мы можем наблюдать живой поиск, живую мысль, которая не сопряжена с истолкованием жизни исключительно через православный катехизис, но понимается через личностный опыт человека, который именно благодаря этим поискам приходит (или еще не приходит, но потенциально готов к этому) к Богу.

Мотив «исправления» подвига Христа. Известно, что Достоевский довольно долго вынашивал идею «Легенды о Великом Инквизиторе». Этой теме и у Филипьева уделяется достаточно большое внимание.

Центр повести Вс. Филипьева – вставные главы рукописи «Начальника тишины» (ее находит чудесным образом о. Серафим). В ней – философские и духовные размышления неизвестного. Именно в этих главах раскрывается суть истинного пути человека, его отношения к вере, к Богу. И, как выясняется в конце повести (когда вставные главы «пересекаются» с фабулой), Влас воплотил в жизнь повесть «Начальника тишины».

Именно эти главы являются некой духовной основой всей повести Филипьева. Там мы находим размышления о христианстве, о духовном пути человека, и эти размышления иногда косвенно, а иногда и прямо отсылают нас к Достоевскому как к авторитету в духовных вопросах. Эта глава и композиционно отсылает нас к Достоевскому: «Легенда о Великом инквизиторе» является вставной в романе

⁴ Определение Валериана Майкова – Ю.Ю.

Достоевского, также и «Начальник тишины» в повести Вс. Филиппева. И в той, и в другой выражается центральная мысль всего произведения.

Размышления в рукописи «Начальника Тишины» о ложном христианстве явно отсылают нас к Великому Инквизитору, исправившему подвиг Христа, вновь возникает тема «спасения Церкви». Истинное учение Христа, учение о Церкви – еще одна причина появления Достоевского, он представлен как образец правильного понимания христианства и Церкви не как организации, но как живого организма.

Сама повесть говорит нам о Достоевском, об истинности его мировоззрения; так, в рукописи «Начальника тишины» ведутся размышления об истинном и ложном христианстве: *«Трудный вопрос: "Что имел в виду Достоевский, когда утверждал, что если бы ему предложили выбор между Христом и истиной, то он все же предпочел бы быть со Христом, нежели с истиной без Христа?"»*.

Ответ прост: Достоевский глубоко прочувствовал, что истина без Христа перестает быть истиной, даже если внешне не претерпевает перемен. Истина без Христа – это уже лжеистина и лжехристианство, и с такой "истиной" он не желал быть. Только Христос – Живая Истина». Здесь намек на лжехристианство Великого Инквизитора, который говорит о «спасении многих», внешне проповедует христианство, но уже далек от Христа, фактически отрекся от Него и служит диаволу: «А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. Так мы и сделали. Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете <...> ...слушай же: мы не с Тобой, а с ним вот наша тайна!» [Достоевский, 1976, XIV: 234]. Достоевскому же, что особенно важно для Филиппева, Истина, Церковь и христианство видится только христоцентрично, т.е. все должно быть сопряжено со Христом и не может строиться «мимо» Него.

Исправление подвига Христа видится как безбожие, которое ведет в погибель. И здесь Достоевский в первую очередь противопоставляется Булгакову. «Исправленный» Христос, который представлен в романе Мастера, не может противостоять Воланду, он значительно слабее и менее симпатичен⁵. Поэтому Вс. Филиппев и вводит в свою повесть Истинного Христа, который может противостоять «новому Воланду» – Князеву и его «светлейшему». При этом он отрицает всевозможные дополнения и исправления образа Христа, т.к. из этих исправлений и происходят все великие инквизиторы. В противовес булгаковскому (возможно, здесь вернее сказать «воландовскому») лже-Христу Вс. Филиппев говорит о евангельском Христе Достоевского и сам

⁵ Вернее, даже отталкивающ – Ю.Ю..

вводит в свое повествование Христа, при этом оправдывая это действие именно «Великим Инквизитором» Достоевского.

Достоевский говорит в повести Филипьева: *«А цель-то всей эпопеи – показать, что Церковь Христова есть единственный всецело положительный общественный идеал, а для русского общества в особенности; и еще показать... что Христос жив»*. Та же мысль проходит и в «Начальнике тишины»: Вс. Филипьев показывает живого Христа, именно Христос является главным Персонажем в повести, хотя и появляется всего несколько раз на протяжении произведения, однако все Им движется, Им держится, и без Него ничего не может быть. Необходимо заметить, что подобным образом и у Достоевского Христос является главным действующим Лицом его романов. Об этой особенности рассуждают многие современные достоееды. Напр., К.А. Степанян пишет: «...у Достоевского реальность человеческая и реальность иного мира одинаково подлинны, составляют единый Божий мир!..» [Степанян, 2005: 24] и: «Воскрешение Раскольникова, начавшееся в момент чтения Соней евангельского повествования о воскрешении Лазаря четверодневного, не менее значимо для Достоевского, чем чудо, совершенное Христом в Вифании. Ведь и чудо, начавшее происходить в темной комнатке в Санкт-Петербурге, тоже совершается в конечном итоге Христом и пусть то первое чудо открыло путь к новой жизни, к победе над смертью множеству людей в сотнях поколений, но для Раскольникова в его единственной жизни оно ведь значило то же, что евангельское чудо в жизни человечества!» [Степанян, 2005: 27]. Т.А. Касаткина замечает, что «они (т.е. Христос и Богородица) появляются в глубине облика этих персонажей, сквозь облик, очищаемый страданием, проступает лик – образ (икона) Бога...» [Достоевский и мировая культура, 2004: 50]. Только здесь Он уже является через откровение Слова, а не так, как это мы видим в повести Филипьева. Кратко можно выразить эту мысль словами Владимира Захарова (когда он рассуждает о христианском реализме Достоевского) – «...это реализм, в котором жив Бог, зримо присутствие Христа, явлено откровение Слова» [Достоевский и мировая культура, 2004: 49].

Но Филипьев не только противопоставляет «Христу» Мастера Христа Достоевского, но и говорит о более тонких подделках под Христа и христианство (и даже дает этому явлению общее определение): «великие инквизиторы всех эпох», которые своими деяниями, видимо, служат Христу, но на деле уже давно отреклись от Него. Это тема возникает и в связи с биографией самого автора «Гостя камеры смертников». Вс. Филипьев на момент написания своей повести – представитель Русской Зарубежной Церкви, которая противостояла сергианству⁶. Филипьев, как

⁶ Это учение, которое возникло в 20-х гг. 20 в., когда митрополит Сергей Страгородский согласился на компромисс с большевиками, чтобы сохранить видимую структуру

идейный противник этого явления, проводит аналогии не только с реалиями XX в. (в связи с чем, видимо, и вводит сергианского священника-предателя о. Понтия), но и с видением этой проблемы Достоевским⁷: *«Те, кто вычеркнули из жизни Христа и заменили его разными организациями, с праведным гневом спросят: "А как же Церковь? Вы что, Церковь отрицаете?". Нет,нисколько не отрицаю! Благоговейно и смиренно склоняюсь перед Ней, ибо Церковь это для меня – Христос, Живой Христос. Он – Глава, а мы суть члены Его Тела. И уж если Христианства нет без Церкви, то и Церкви нет без Христа. Беда многих христиан в том, что они идолизируют, от слова "идол", какую-то "абстрактную Церковь" саму по себе, забывая, что Церковь есть Христос, и что Христос – это главное в Христианстве. Отсюда, из такого забвения, происходят великие инквизиторы всех эпох».* Здесь отсылка самим Достоевским (как персонажем) к своему Великому Инквизитору, целью которого было именно создания своей «церкви», своего «царства Божьего на земле» и т.д.: *«И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: "Тайна!" Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья. <...> У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе Твоей, повсеместно»* [Достоевский, 1976, XIV: 235]. Конечная цель Великого Инквизитора – поклонение антихристу под видом служения Христу. В Откровении Иоанна Богослова говорится о чаше, которая преисполнена мерзости и об апокалиптическом звере: *«...и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее»* (Откр.17:4)

С Достоевским согласен не только сам Филипьев, но и автор рукописи «Начальник тишины», который отсылает нас к Достоевскому своим размышлением об истинном христианстве, об истинной Церкви и о том, как прошли годы гонений на Церковь: *«Многие представители Церкви вместо того, чтобы признать гонения как призыв к покаянию, либо озлобились и ожесточились против гонителей, либо пошли им в услужение...*

И это проходит. <...> Приближающийся период, по всей видимости, будет опасен тем, что многие церковные руководители впадут в полную зависимость от сильных мира сего. Что будет дальше в таком случае, только Богу известно».

Церкви: многими авторитетными церковными лицами было заявлено, что такие средства не оправдывают цель, т.к. это именно и было сохранение Церкви без Христа

⁷ Ведь формально сергианство, можно сказать, проявилось именно в католичестве.

И еще есть имплицитно «обращение» к тому самому Сергию Страгородскому: *«Но если ты в своей горделивой ревности думаешь спасти Церковь, то это именуется "ревностью не по разуму". Остановись, самозванный ревнитель, оставь свою фантазию о спасении Церкви, лучше предоставь Церкви спасти тебя самого, а для этого необходимо признать свое собственное состояние погибельным, признать себя нуждающимся в Спасителе. Без такого признания мы не христиане, а гордые фарисеи, отвергающие Спасителя и Церковь по причине гордоумия и завышенного самомнения»*. Снова отсылка и к Великому Инквизитору, и к сергианству, которое учило о «спасении» Церкви путем сохранения ее структуры, путем компромисса с безбожниками и даже путем услужения им. Спасение Церкви путем пренебрежения Христом – это путь, который, по Достоевскому, уже прошли католики, обожествив папу; однако Достоевский устами Ивана Карамазова «предупредил» и о грядущей возможности найтись такому человеку, как Инквизитор уже в реальности: *«И вот, убедаясь в этом, он видит, что надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения, а для того принять ложь и обман, и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того, чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми»* [Достоевский, 1976, XIV: 238]. Возможно, не совсем корректно сравнение Сергия Страгородского с Великим Инквизитором (однако, оно в тексте Филиппева явно присутствует), но очевидна схожесть этих двух путей: вера в себя, а не Христа и Его Церковь, вера в возможность «исправления подвига Христа» обнаруживается и в действиях Великого Инквизитора, и в действиях Сергия Страгородского, который своими силами пытался «спасти» Церковь.

Тема Христа, христианства и истинной Церкви – главенствующая во всей повести Филиппева. Однако к ней он подводит постепенно, через московские и американские главы. Для восприятия светского человека будут весьма сложными богословские главы рукописи «Начальника тишины», но основа их вложена и в главы сюжетные, и суть их – духовное совершенствование человека во Христе. Несомненно, что Вс. Филиппев как православный писатель, при помощи сюжета приводит человека от «молока» (московские главы) к «твердой пище» (абхазские главы, собственно богословие), в чем и заключается цель христианской притчи: от простых и интересных образов привести к познанию истины.

Библиографический список

1. Библия. Книги священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2000. – 1374 с.

2. Габдуллина, В.И. Блудные дети, двести лет не бывшие дома: Евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского. Монография / В.И. Габдуллина. – Барнаул: АлтГПА, 2008. – 303 с.
3. Глобализм и религия антихриста. Выпуск 1, 2. – СПб.: Русский Эсфигмен, 2005. – 124 с.
4. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. XIV / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1976. – 511 с.
5. Круглый стол «Проблема “реализма в высшем смысле” в творчестве Достоевского» // Достоевский и мировая культура. – №20. – СПб.: Серебряный век, – 2004. – 468 с.
6. О Великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 272 с.
7. Степанян, К.А. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского / К.А. Степанян. – М.: Раритет, 2005. – 512 с.
8. Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: КомКнига, 2007. – 280 с.
9. Филиппьев, Всеволод, инок. Гость камеры смертников или Начальник тишины / Всеволод Филиппьев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian-inok.org/books/nachalnik/page.php?page=page.html>. – Загл. с экрана.
10. Эпштейн, М.Н. Постмодерн в русской литературе/ М.Эпштейн. М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.